

Она опаздывала. Дома непростительно замешкалась — и вот, страшась, как ей казалось, недозволенного проступка, отчаянно торопилась. Лёгкой пробежкой старалась наверстать упущенное время. Первый секретарь райкома комсомола товарищ очень пунктуальный: даже невольно провинившимся он делает строгие внушения и за самые простительные оплошности. И она ещё больше утрашилась, когда, вбежав в подъезд райкома, услышала громкое пение:

*И линкоры пойдут, и пехота пойдёт,
И помчатся лихие тачанки...*

Пели ровесники, хорошо знакомые ей по комсомолу. Пели задиристо, в полный голос. Ни тени сомнения не слышалось в уверенном пении. И она окончательно испугалась: не подумал бы главный комсомолец района совсем плохо о её невольном опоздании. Подумает и откажет в боевом назначении, оставит в спокойном тылу среди какого-нибудь пожилого женского коллектива. Ровесники станут месяца через три говорить о своих победах на фронте, об умелом и неизбежном сокрушении вероломного врага при их непосредственном участии, о заслуженных ими фронтовых орденах и медалях... А чем похвалится она, какие свои заслуги она предъявит комсомольскому

обществу и непосредственно первому секретарю райкома! Придётся тогда убеждать товарищей и в её нужности находиться на тыловой работе, к тому же, по заданию комсомола, а значит, по заданию самой партии. Комсомол ведь подчиняется партии, вот и выходит, что она тоже выполняла задание райкома партии. Комсомолец не может принимать решения самостоятельно, комсомолец обязан свои чувства и помыслы подчинить воле комсомольского руководителя, а это означает — воле партии.

Она рывком вскочила на второй этаж, приостановилась, переводя дыхание, перед самой дверью и услышала ещё более уверенное пение:

*...И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом.*

Она робко приоткрыла дверь и протиснулась в зал, в котором всегда проводились совещания и в котором она сама бывала не однажды на этих совещаниях.

— Вот и наша Валентина пришла! — услышала она приветливый возглас.

У неё отлегло от сердца: совещание на этот раз проводил секретарь отдела пропаганды. И это означало лишь одно хорошее: никаких замечаний в её адрес не последует. Секретарь отдела пропаганды отличался по складу характера от своего прямого руководителя, не практиковал он в своей работе излишние замечания и нотации.

— Ну что, товарищи, давайте подытожим результат нашего собрания, — он посмотрел на Валентину, как бы взглядом говорил ей: “Ты прекрасно знаешь, о чём до тебя мы тут вели речь. Поэтому повторяться незачем”. — Главное, твёрдо запомните одно: война закончится очень скоро, она продлится не более двух-трёх месяцев. Вероломный враг будет разбит вдребезги. И нам, от лица нашего райкома, обязательно надо успеть поучаствовать в разгроме коварного врага. Мы потом никогда не простим себе нашу медлительность. Мы в недалёком будущем со всей нашей страной, со всем нашим комсомолом, кто живёт и работает под руководством Коммунистической партии, станем гордиться скорой, пусть и очень трудной, победой над вероломным фашистским врагом. И я рад за вас: вы сделали правильный выбор. Вам будет чем гордиться в самое ближайшее время, ибо скорый сокрушительный удар по врагу неизбежен. И не памятью, а сердцем помните слова нашей героической справедливой песни:

*И всегда, и везде с нами Сталин родной,
С нами маршал, наш друг Ворошилов!*

Товарищи, после скорой неизбежной победы мы обязательно снова встретимся здесь, в нашем родном городе, в этом здании, в нашем прежнем комсомольском составе. Я не менее вас уверен в этом. Боевых и трудовых подвигов вам, товарищи! Да будет нашим народом, руководимым товарищем Сталиным и коммунистической партией, сокрушён вероломный враг! Да здравствует наша победа!

И когда участники собрания, задорно переговариваясь друг с другом, направились к выходу, секретарь окликнул:

— Валентина, останься!

Он со сцены, где стоял за трибуной, спустился вниз и присел на стул.

— Садись, Валентина! — взглядом указал он на место подле себя. — Вот что, Валентина! — он более внимательно посмотрел на неё. Валентине его взгляд показался даже сочувствующим. — Хорошо, что ты опоздала. Удобный случай задержать тебя. Я надеюсь, так это и покажется остальным, кто здесь находился.

Валентина, чувствуя какой-то важный момент, вполоборота повернулась к секретарю.

— Принято решение направить тебя в разведшколу. Ты с отличием закончила десятилетку, у тебя, мне сказывали, отличный музыкальный слух. Твою эту способность учтут по месту прохождения службы.

— Виктор, какая разведка? — девушка взглянула на секретаря. — Ты сам говоришь: война закончится через два-три месяца!

— Это правда, Валентина. Так утверждают наши старшие товарищи. Но они ориентируют нас и на более длительные сроки. Всё может случиться, — райкомовец строго посмотрел на комсомолку. — Враг коварен и хитёр, и партия это учитывает.

— Значит, надо готовиться, — согласилась с ним комсомолка.

— Да, Валентина, ты правильно понимаешь: надо готовиться!

— Когда мне надо уезжать?

— Завтра. Документы поручено передать тебе из рук в руки. Завтра отправляйся к месту назначения. И никому ни слова!

— И родителям нельзя!?

— Родителям особенно! — секретарь пристально взглянул на сидящую рядом девушку. — Маме скажешь: поступила добровольно в санитарную часть. Она у тебя медсестра. Пусть думает, что и ты будешь обслуживать раненых. Такая думка её успокоит.

— Виктор, — девушка снова назвала секретаря по имени, — а ты как? В армию или здесь остаёшься?

— Нет, Валя, и я уезжаю, и тоже завтра.

— Виктор, ты, наверное, и здесь не меньше нужен?

— Нет, Валя, надо успеть поквитаться с врагом! Какой же я комсомольский вождь, если бы я не отпросился на военную службу!

— Если не секрет, на какую службу тебя определили?

— Для тебя не секрет. Меня направили на службу в специально сформированные отряды. С врагом надо встретиться лицом к лицу, а не на расстоянии винтового выстрела.

— А мне с тобой никак нельзя?! — Валентина устремила на Виктора ожидающий взгляд.

— Нет, Валя, тебя и других особо проверенных девушек станут готовить к специальному военному ремеслу. У меня иное занятие, чем у тебя, — Виктор поднялся со стула. — Да я собой, по правде говоря, и не распоряжаюсь.

— До свиданья, Виктор, — девушка встала и пошла к двери.

— До свиданья, Валя, — Виктор проводил её. — Скоро, а точнее — сразу после победы мы, Валя, встретимся с тобой в этом зале.

Она шагнула в раскрытую дверь, обернулась и увидела его широкую весёлую улыбку.

Из райкома она заспешила домой. По дороге забежала в салон фотографии, получила там свои карточки. Она снималась ещё школьницей, незадолго до окончания десятилетки, перед экзаменами. Выйдя на улицу, она вынула из тёмного плотного конвертика одну карточку и взглянула на себя. На неё смотрела почти незнакомая ей девочка... Белое ситцевое платьице в горошинку, пышные косы, закинутае вперёд, и настежь раскрытые, будто неожиданно испуганные, какие-то наивные, светящиеся от самого сердца, удивительные родниковые глаза. Неужели это она?! Неужели она действительно совсем-совсем недавно выглядела такой?! Она ещё раз, почти недоверчиво, посмотрела на себя и засунула карточку обратно в конвертик. Нет, сейчас она точно выглядела совершенно другой, а не той девочкой, какой показалась самой себе на карточке. А после нынешней встречи в райкоме со своими знакомыми и особенно после доверительной встречи с комсомольским руководителем, с Виктором, она точно чувствовала себя совершенно другой как по мыслям своим, так и по внешнему облику своему. За это недолгое время она повзрослела на целые десять лет, и в этом она уверила саму себя.

Заходить к немногим оставшимся дома подругам не хотелось, да и времени на посещения не оставалось. Недавно они всем классом отметили выпускной вечер. Только школа осталась где-то позади, школы в жизни как бы и не бывало. Впереди, пусть и где-то далеко, но каждодневно о себе напоминала война. Ребята из её класса добровольно явились в военкомат, и направили их в разные военные училища. Не отстали от них и одноклассницы. И они тоже получили назначения. Остались лишь единицы, которым райком комсомола поручал особые индивидуальные задания.

Валентина шла и какой-то рассеянной памятью вспоминала об учителях, вдруг оставшихся в далёком далеке. Всю её душу занимал доверительный разговор с комсомольским секретарём Виктором, с её идейным наставником и руководителем. Неужели война, по его словам, получится совсем недолговременной, и доблестная рабоче-крестьянская Красная армия начисто в скором времени разгромит врага... Зачем Виктор тогда посылает её на военные, да притом ещё, как она догадывается, на секретные курсы?.. Ведь она тогда не успеет поучаствовать в отважной схватке с врагом! Ведь пока она отучится на этих секретных курсах, война точно закончится!.. От этих мыслей она интуитивно крепко сжала в руке документы, полученные от Виктора, и невольно огляделась по сторонам. Невдалеке глухо шумела железнодорожная станция. Сквозь деревья виднелись постояннодвигающиеся вагоны. Девушка про себя отметила: следование поездов в обе стороны в последнее время заметно активизировалось. Раньше такой интенсивности движения не наблюдалось. Особенно много появилось платформ, груз которых обязательно покрывался брезентом. Видимо, сказывались обстоятельства, о которых так уверенно говорил Виктор. Видимо, военный груз, закрытый от лишних глаз, отправлялся на скорый и решительный разгром врага.

Дома она застала одну мать, которая садилась за кухонный стол, собираясь поесть после короткого утреннего отдыха.

— Я пришла с дежурства, а тебя нету, — посмотрела мать на вошедшую дочь, направляясь к ней навстречу.

— В райком комсомола ходила, — Валентина вместе с матерью прошла к столу, и они присели напротив друг друга. — Вот, по пути забрала свои фотокарточки, — она положила перед матерью конвертик из плотной чёрной бумаги.

Мать тотчас достала одну карточку. Долго и как-то нерешительно всматривалась она в изображение на фото.

— Дочка моя, ты тут почти и не похожа на себя. Ты на карточке выглядишь совсем подростком, словно тебе всего четырнадцать-пятнадцать лет. Ты тут совсем не похожа на взрослую девушку, какая ты есть на самом деле, — мать взглянула на лицо дочери. — Ты всего за какой-то последний месяц так вдруг неузнаваемо повзрослела.

— Mam, а где отец? — Валентина повела глазами по всей избе.

— На заводе, где же ещё. Он теперь там днюет и ночует. Ты что? Не знаешь, какое теперь время пришло?!

— Mam, пока не знаю, но, кажется, начинаю догадываться. — Она откинула косы назад. — Mam, меня в райком вызывали. Я вот сейчас оттуда пришла. Вот предписание там получила, — она указала рукой на лежащий в сторонке карманного формата пакет.

— В какой райком?! — мать встревоженно посмотрела на дочь.

— В райком комсомола, ты знаешь, у меня один райком, это — райком комсомола.

— И зачем тебя вызывали? — мать насторожилась, глаза её тревожно остановились на лице дочери.

— Меня посылают на курсы.

— На какие курсы?

— Сказали, на курсы военных медсестёр, — соврала Валентина. Она опустила глаза вниз.

— Доченька, что-то ты не договариваешь! Зачем тебя посылать куда-то на курсы военных медсестёр, когда я могу попросить главного врача, и тебя возьмут к нам, в нашу больницу, — мать недоумевающим взглядом, почти просительно смотрела на дочь. — Ты сама подумай, главврач не откажет мне — я в больнице не один десяток лет работаю. К тому же, ты сама понимаешь, сейчас нет чисто гражданских больниц, сейчас всё переведено на военное положение. Сегодня мы гражданская больница — завтра армейский госпиталь.

— Mamочка, вопрос по мне решён, как я догадываюсь, не только по линии комсомола, но, скорее всего, в самом райкоме партии и военном комиссариате. И сейчас от моего желания или моего нежелания ничего не зависит.

Война скоро закончится, и мне, комсомолке, надо в ней обязательно поучаствовать, — и, заметив несогласный взгляд матери, она поспешила уточнить, — так нам твёрдо сказали в райкоме, а в райкоме люди компетентные, они владеют большей, по сравнению с нами, информацией. Секретарь райкома уверил нас: враг в самое ближайшее время будет разбит могучим ударом и, самое главное, с малыми потерями.

— Доченька, доченька, зачем же он вам внушил такую глупость! Война ведь только началась, а войны быстро не кончаются. Ты сама подумай, — мать положила свою руку на руку дочери, — ты сама подумай, доченька, даже простая ссора между знакомыми людьми разделяет их на целые недели, а то и месяцы. А тут вооружённая схватка между государствами, между сотнями тысяч военных с двух противоположных сторон!.. Ты сама подумай, разве немец позволит себя одолеть, как вам сказали, “в самое ближайшее время”? — Мать легонько сжала холодную ладонь дочери, словно пытаясь передать ей побольше своего тепла. — Нет, доченька, спешить тебе некуда, успеешь ещё навоеваться.

— Mam, ты пойми, я не могу не исполнить задания, порученного мне, и я хочу, и я рада его исполнить. Я почитаю за честь, что мне доверяют не рядовое задание и что я, может быть, ещё успею схватиться с коварным врагом!

— Дочка, дочка, ты ещё такая глупенькая! Это лишь в песне легко поётся: “И на вражьей земле мы врага разгромим // малой кровью, могучим ударом”. В действительности всё не так. — Мать встала со стула. — Я догадываюсь, ты что-то скрываешь. Тебя, наверно, в разведшколу посылают и даже отцу и матери запретили рассказывать об этом.

— Mamочка, не терзай меня своими догадками. Я сама ещё ничего-ничего не знаю. Всё со мной будет хорошо, и в этом я ничуть не сомневаюсь.

— Когда тебе надо уезжать? — мать, отходя от стола, остановилась и посмотрела на оставшуюся сидеть дочь.

— Завтра утром!

— Завтра утром? — испуганно воскликнула мать.

— Mam, завтра утром, — успокоительно подтвердила дочь. — Ничего страшного в этом нет. Просто утром отходит поезд. Вот потому и утром.

— Отца бы надо известить о твоём неожиданном отъезде.

— Mam, я вам свою карточку напечатаю. — Валентина достала фотографию и простым карандашом напечатала на обороте: “Моим дорогим папочке и мамочке от дочки Вали. Перед отъездом на службу в РККА. 15 июля 1941 года”. — Mam, ты не расстраивайся, всё со мной будет хорошо. Ты извини, мне что-то одной побыть хочется. Схожу-ка я в сарай, посижу там.

— Дочка, а косы, — мать окинула взглядом пышные и длинные косы дочери, — дочка, — забеспокоилась мать, — а косы твои!..

— Что мои косы? — не поняла её Валентина.

— Валечка моя, ведь косы твои срежут при первой санитарной обработке.

— Ну и что, — опять не поняла свою мать Валентина. — Ну и пусть срежут, если так надо!

— Валечка, дочка моя, твои косы — просто загляденье! — Мать подошла к дочери и взяла её косы в свои руки. — Какие они у тебя пышные и красивые. И длинные они, до самого пояса. Я сама их срежу и оставлю на память до твоего возвращения.

— Mam, а, может быть, мне разрешат их носить!

— Дочка, кто же тебе разрешит на голове носить целую копну волос, да ещё такие пышные и длинные косы. Ты на службе запутаешься в них. При первой санобработке их у тебя срежут и выбросят. А у нас твои косы будут лежать в коробочке вместе с твоей фотографией. Мы с отцом будем беречь их.

— Ладно, мам, отрезай! Ты, наверно, права: с такими косами, как у меня, в армии служить не разрешат.

Мать взяла ножницы и, сдерживая слёзы, принялась неумело отрезать косы.

— Ты их распуши, чтобы они потоньше получились, — взглянула на мать Валентина, — тебе легче будет срезать их.

Мать так и сделала и, совладав, наконец-то, с косами и подравнив сзади короткую причёску, подала дочери маленькое зеркальце:

— Посмотри, как у меня получилось, может быть, ещё подобрать покороче.

— Нормально, мам. Голове что-то непривычно без кос — какую-то лёгкость я ощутила.

— В армии, дочка, вообще могут наголо постричь.

— Как так — наголо! Девушку — и наголо!

— В армии, дочка, нет девушек и парней, в армии есть только военнослужащие.

Валя поднесла зеркальце к лицу. Круглая востроносенькая мордочка внимательно посмотрела на неё. Она интуитивно отстранила зеркальце от лица. Потом снова поглядела в него. И Валя настоящая, и эта другая Валя из зеркальца пристально посмотрели друг на друга. “Вот я какая теперь!” — подумала настоящая Валя и ещё пристальнее всмотрелась в своё востроносенькое изображение. Что-то генетически кровное навечно соединяло этих двух Валь, и в то же время новая короткая стрижка как бы навсегда отделила от Вали из зеркальца ту, генетически кровную, прежнюю Вало с пышными и длинными косами. Странное и совсем непонятное чувство окатило сердце девушки, и оно забилось в груди как-то глухо, как-то растревоженно и как-то совсем печально.

— Мам, я схожу в сарай... Я там немножко побуду... Мне там побывать хочется.

— Хорошо, хорошо, дочка, побудь одна. Я тебя беспокоить не буду. Я пока схожу на завод, может быть, с проходной и дозвонюсь до отца, скажу ему о твоём отъезде.

Дверь в сарай отец держал открытой с целью проветривания и сушки заготовленных на зиму трав. Валентина вошла в него, словно ступила на обильно цветущий луг. Через маленькие оконца вовнутрь наклонными лучами струилось летнее солнце, отчего по всем углам растекался светло-сумеречный свет. Тянуло запахом свежего проветриваемого сена, остро ощущался настой берёзовых и дубовых веников, нарезанных отцом для использования их в парилке; тонким ароматом несло от зверобоя и чабреца. Под одним из оконцев стояла кровать — отец любил отдыхать и спать не в избе, а здесь, на воздухе, настоящим на разнотравье. И Валентина теперь ещё более поняла его привязанность к этому месту.

Что-то вдруг беспокойно горячее в её груди поднялось кверху, сладкая спазма сдавила горло, сердце, кажется, выкатилось наружу... Она подбежала к постели, упала на колени и уткнулась головой в подушку. Слезы, неуправляемые слёзы, тёплые слёзы маленькими ручейками произвольно потекли на прижатые по лицу ладони. Она, не сдерживая себя, громко заголосила навзрыд, толкаясь часто в подушку острыми плечами.

Через несколько минут она отняла мокрое лицо от подушки и поднялась с колен. Она и сама в толк не могла понять, что случилось с нею, и почему она так сильно и так внезапно расплакалась. И зачем её слёзы обильно омыли ладони и промочили сухую подушку. Но пришло до странности желанное ощущение, и она вдруг почувствовала: её тело, до этого словно каким-то грузом стеснённое, стало теперь удивительно лёгким и послушным; всё предстоящее к обязательному исполнению показалось ей теперь более обязательным и действительным; вся душа её словно окатилась рассветной свежестью. Так происходит с придорожной травой, когда густо заплётённая растительность, промытая благостным дождём, становится прозрачной, словно весенняя зелень.

Ближе к полуночи отцу Валентины разрешили до утренней смены отлучиться. Он и мать вместе заторопились домой.

— Отец, может быть, ты отговоришь свою дочь от поездки, как она рассказывает, на курсы военных медсестёр. Вроде бы, как уверяет Валя, её направили туда по линии комсомола. Мне почему-то кажется, что ей не рекомендовали говорить о фактическом назначении этих военных курсов. Зачем куда-то ехать на курсы медсестёр, когда ухаживать за больными она может

научиться и в нашей больнице. Тем более, что больница ныне пусть и гражданская, а завтра в одночасье может стать военной.

— Маша, это напрасный труд. Ты не хуже меня видишь: сейчас все рвутся в армию. Все хотят отличиться, и все почему-то думают, что война через месяц-другой закончится.

— Но Валя-то наша — она ещё ребёнок! Ей всего-то лишь восемнадцать исполнилось. Зачем ей нужно отличиться! Вся жизнь впереди — успеет ещё не один раз отличиться!

— Именно поэтому, учитывая её возраст, с ней говорить и не нужно. К тому же, она комсомолка. И не исключено, действительно, что её направляют на специальные курсы. В таком возрасте ребята и девочки ещё пока живут романтикой, и они готовы пройти любые подготовительные курсы, а тем более секретные.

— Отец, пожалей меня, не говори так. Она ведь у нас одна. Ты понимаешь: она у нас одна!

— А вот это, Маша, наша печальная действительность! Тут мы с тобой сплеховали. Нас всё время приучали больше думать о благополучии Родины, а надо было нам подумать и о собственном счастье. — Отец замедлил шаг, словно пытаясь обдумать дальнейшие слова. — Если у родителей, допустим, пятеро детей, и если у них убьют одного-двух на войне, то трое всё равно останутся живыми, и семья и род — всё у них будет сохранено. А если мы с тобой потеряем единственную дочь, то мы сразу потеряем всё — и нашу семью, и наше будущее, и наш род, пусть и по женской линии.

— Что ты, отец, несёшь! Какие убитые! Что ты наговариваешь на свою дочь!

— Война, я думаю, будет жестокой и долгой. Я по продукции своего завода могу это предположить. И никто на всякой войне от гибели не застрахован. Это лишь в песне лихо поётся: “Полетит самолёт, застрочит пулемёт, загрохочут могучие танки...”. У немца, скорее всего, тоже и самолёт есть, и пулемёт строчить может, и танки, наверно, не хуже наших. И наверняка так оно и есть, если немец, как сообщает радио, нагло и уверенно прёт всё дальше и дальше вглубь нашей земли. Попробуй его быстро остановить! А останавливать его придётся нашим детям: и восемнадцатилетним, и кто старше. И потому мы с тобой будем ежедневно надеяться на хорошее для дочери, но и худшее нельзя исключать.

— Так всё-таки как же нам быть! Вот мы сейчас придём домой, и что мы скажем своей родимой Валечке?

— Мы ей скажем лишь одно: исполняй свой долг, как это делают тысячи и тысячи твоих сверстников, как это делали русские люди во все века и времена. Россию никто не может спасти, кроме нас, русских людей. А тебе, мать, начистоту выскажу своё мнение: такова нынешняя чаша, которую всем нам предстоит испить до самого дна. И чаша эта до краешек наполнена народной кровью. И ты, мать, не плачь, слёзы тут не помогут. Мы с тобой просто обязаны верить теперь очень нужным словам: “Враг будет разбит, победа будет за нами!”

* * *

Воинский состав со стороны Средней Волги следовал в московском направлении. Сразу за двумя паровозами, сцепленными в единый, катился неприметный вагон, который не привлекал к себе повышенного внимания. В нём ехали бывшие курсанты разведывательных курсов, подготовленные для работы на территориях, занятыми вражескими войсками. Одежду во время следования бывшие курсанты носили самую обычную, каждый — и парень, и девушка — по своему вкусу, и никто из посторонних не заподозрил бы в них военнотружеников, подготовленных к диверсионно-разведывательной работе. Сопровождал их офицер особого отдела, так же неприметно одетый в гражданскую одежду. И для них, и для всех посторонних, порою неизбежно встречавшихся на перроне, он считался бригадиром. Даже

машинисты паровозов принимали своих пассажиров за рабочих строительной бригады. Впрочем, не дело машинистов смотреть назад и приглядываться к ехавшим даже в первом от них вагоне.

Бывших курсантов переправляли ближе к фронту, и каждый из них получал боевое задание по прибытии на конечный пункт. Хотя они ехали в одном вагоне, но большинство из них друг о друге не имели никакого представления. Особист распределил их по купе, ознакомиться им не рекомендовал и запретил излишнее хождение по вагону. Если же знакомства невозможно было избежать, то каждый из них имел свою *“историю”* и мог использовать лишь присвоенное ему фиктивное имя. Подлинным именем каждого не располагал даже сопровождающий офицер, хотя личная карточка под сургучными печатями на каждого находилась в его полевой сумке.

За сцепленными паровозами и за первым вагоном сразу тянулся длинный ряд открытых платформ, плотно гружённых боевым оружием. На этой части России танки и различные орудия не прикрывали как бы нарочно — пусть население видит могучую силу, изготовленную на погибель врагу; пусть население не теряет уверенности в неизбежной победе над немцем. И пусть эта стальная сила веско подтверждает для каждого русского сердца справедливые слова: *“Враг будет разбит, победа будет за нами!”*

Состав продвигался по литерному расписанию; многие станции он про скакивал на максимально разрешённой скорости, даже не подавая гудка. Однако Валентина точно предположила: в её городе, на станции, знакомой ей до мелочей, состав обязательно остановится. Там, на её станции, по давно заведённой распорядку, паровозы всегда заменяли на другие, пригоняемые из депо, а колёсные пары любого движущего состава в обязательном порядке проходили ускоренный техосмотр.

Прошло четыре месяца со дня её ухода из дома. За это время она родителям не послала ни одной весточки. И времени не хватало на письма, и настоятельно рекомендовали инструкторы воздержаться от любых переписок даже с близкими родственниками. Валентина понимала необходимость таких рекомендаций, а скорее, запретных установок: подразделение, где немало её сверстников проходило специальную подготовку, являлось объектом особого строжайшего режима. Впрочем, о письмах, даже родным, и не думалось — обучение проходило по слишком укороченной программе, когда личное время предоставлялось лишь на индивидуальные нужды: фронт нуждался в подготовленных молодых бойцах, и обучить и подготовить таких необходимо было как можно скорее и в большом количестве.

Состав на станции остановили на тридцать минут. Офицер разрешил желающим выйти из вагона и размяться на перроне. Валентина вместе с другими воспользовалась разрешённым выходом и тут же, почти интуитивно, окончательно решилась: она всё-таки сбегает домой. Невозможно было не сбегать, невозможно было удержаться, когда родной очаг находился неподалёку, в каком-то полукилометре. Представится ли ещё когда-нибудь такой редкий случай!

Валя бежала знакомой с раннего детства дорожкой, слыша приглушённые гудки маневровых паровозов. Раньше эти гудки слышались звонче и продолжительнее, словно бы они, соревнуясь друг с другом, хором приветствовали девочку с учениками и тетрадями, торопящуюся каждый день из дома в школу и снова возвращающуюся домой. Дорожка, по которой теперь бежала Валя, выглядела безлюдной: люди, по всей вероятности, находились на рабочих местах. И она невольно забеспокоилась: застать бы дома отца и мать. Взглянуть бы на них хоть на секунду! И почему-то во время этой спешки разом вспомнились образ Виктора, последнее собрание комсомольского актива в здании райкома и получение от него документов на курсы в разведшколу. Как давно это произошло! И происходило ли вообще всё это? И где он теперь, её идейный наставник, её настоящий товарищ, прощающий все её невольные оплошности!

Она с разбегу распахнула прикрытую на вертушку деревянную калитку и вкочила одним прыжком на низкое крыльцо. Глубоко дыша, она распахнула дверь, вбежала в избу и увидела мать, кинувшуюся ей навстречу! Валя бросилась ей на шею, осыпая поцелуями материнское лицо.

— Мамочка, дорогая, я всего на одну секунду забегала, — отстранилась на мгновение она от матери, глядя в её глаза. — Состав мой вот-вот отойдёт от станции. Прости, некогда мне побыть с вами, — она метнула взгляд по избе. — А где отец?

— Отца призвали, дочка! — только и успела ответить мать.

— Как призвали! Он же немолодой!

— Сейчас всех призывают! И таких юных, как ты, и таких, как отец твой, немолодых и порой нездоровых!

— Мамочка, я еду на фронт! Прощай! — она подбежала к порогу. — Писать мне будет некогда, да и не разрешат мне писать, — она кинулась к выходу, и мать услышала лишь резкий хлопок калитки.

Мария Ивановна схватила со стола кусочек хлеба и кинулась вслед за дочерью. Она во всю силу пробежала небольшое расстояние, но тотчас задохнулась и медленно упала на траву.

Сквозь учащённое дыхание и сумрачное вязкое сознание она расслышала гудки двух паровозов, одновременно вскинувшиеся вверх. Затем послышался всё ускоряющийся стук тяжёлых колёс. И ей до невыносимой боли почудилось: бесконечный ряд острых колёсных пар заскользил не по низким бесчувственным рельсам, а по её высокому и горячему сердцу...

* * *

Диверсионно-разведывательную группу, в составе которой находилась Валентина, перебросили в партизанский отряд. Где-то в подготовительной цепи предстоящей диверсионной операции произошла непредвиденная заминка, и вместо немедленного отправления на задание группе предстояло пробывать в отряде некоторое время. Её разместили в отдалённой землянке, преследуя легко объяснимую цель: свести к минимуму нежелательные контакты. А старший группы запретил подчинённым лишний раз передвигаться по территории отряда.

В первый день пребывания в отряде в предвечернее время Валентина поднялась наверх и присела у двери землянки. Быстро темнело, солнце начинало путаться в деревьях, со всех сторон потянуло сумрачной влагой. Она заметила, как из леса выдвинулись двое, одетые в армейские фуфайки и с немецкими автоматами не за плечами, а взятыми в руки, как берут боевое оружие на изготовку. На поясах у них висели запасные рожки, армейские отцентрованные ножи и ручные гранаты. Молодой ровной походкой они проследовали к землянке, находящейся в центре. Им навстречу поднялся человек в форме офицера. Один из двоих принялся докладывать, поскольку (так определила Валентина) эти двое стояли напротив офицера, как это заведено у военных при докладе. Потом двое, козырнув по-военному, уверенным шагом отошли от офицера и скрылись в расположенной рядом землянке.

Что-то хорошо знакомое показалось Валентине в увиденной фигуре офицера. Она подвинулась к нему на несколько шагов ближе и негромко окликнула:

— Виктор!

Офицер повернулся на оклик, внимательно посмотрел на стоящую в отдалении фигуру и вроде бы неуверенно двинулся в её сторону. Не доходя несколько шагов, приостановился:

— Валентина!.. Ты?..

— Я, товарищ командир! Я... Валентина!..

Виктор подошёл, взгляделся в её лицо и, признав, подал ей руку:

— Здравствуй, Валя! Рад видеть тебя! — Немного погодя, как бы стараясь рассеять своё сомнение, удостоверился: — Ты что? В составе этой прибывшей группы!?

— Да, товарищ командир, я радистка.

Виктор, как бы не веря своим глазам, ещё раз более внимательно и строже оглядел участницу диверсионной группы. Про себя он отметил: “Да, это Валя! Это наша Валя!” Наверное, в эту минуту он вспомнил свой райком,

всех своих комсомольцев и особенно её, бесконечно преданную комсомолку Валу. Когда пришла особой важности разнарядка, то он лишь её послал на подготовительные курсы в разведшколу. Может быть, он ошибся тогда. Может быть, поспешил рекомендовать её на такие опасные курсы. Служила бы она сейчас медсестрой в каком-нибудь медсанбате, а то и под боком у матери, тоже медсестры. Разве он смог додуматься тогда, что и ему самому, и бесконечно преданной комсомолке Вале придётся максимально скрытно и осторожно воевать с немцами в незнаемом лесу, среди болот и зарослей, где-то в глубоком тылу врага, в окружении боеспособных немецких войск. Разве он, да и кто-то другой, даже из райкома партии, мог тогда предугадать такое? А как они, страстно хотевшие попасть на войну, смело и вдохновенно пели:

*...И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом.*

— Валя, зови меня, если мы наедине, как и в пору нашего комсомола, — Виктором. Впрочем, встречаться нам наедине вряд ли в скором времени придётся. Ваша группа скоро может уйти на задание.

— Виктор, обстановка в районе сложная?

— Валя, подружка моя, обстановка на войне всегда сложная. А у нас, партизан, особенно. Мы в отрыве от регулярной армии. И задание на сегодняшний день у нас непростое — поднять население против немцев, убедить это население поверить в нашу силу, в нашу победу. Вот мы и вынуждены заниматься диверсиями, чтобы окончательно восстановить немцев против местного населения. Немцы начнут карательные операции, и население точно это не понравится. Тогда оно вынуждено будет начать поддерживать нас.

— Но они же, эти местные, находятся в партизанском отряде.

— Нет, Валя, мой отряд создан только из бойцов войск внутренней службы. К нам пока мало примыкает людей из местного населения. Да мы, откровенно говоря, в них особо и не нуждаемся. Нам нужны целые опорные селения, сочувствующие и поддерживающие нас. Нам нужны молодые и толковые информаторы. Впрочем, мы всегда за приток в наш отряд боеспособных людей из местного населения. Да, вот что, Валентина, — он доверительно посмотрел ей в глаза, — мне надолго нельзя отлучаться. Ваша группа после выполнения задания должна вернуться в отряд. Тогда мы снова встретимся.

Его фигура быстро растворилась в лесном сумраке, будто там, куда он пошёл, никогда никого и не бывало. Валентина подняла глаза — густые кроны деревьев, наглухо закрывая звёзды, широко и беспокойно раскачивались в разные стороны; сильный ветер путался в тёмной листве, заставляя тонкие ветви нервно и беспомощно трепетать.

* * *

Староста и старший полицай сидели вечером в конторе и думали о нежелательном событии завтрашнего дня. А на завтра, на послеполуденные часы комендант назначил казнь троих партизан, и он приказал старосте поставить в центре села высокую виселицу. Староста и вызвал полицая, чтобы поручить ему устроить место неизбежной казни.

— Тишка, ты пойми, я не могу никому из местных жителей приказать построить эту проклятую виселицу. Придётся тебе и твоему напарнику потрудиться. Ты всё-таки состоишь на службе.

— Немцы вешают, пусть они и сооружают виселицу...

— Тишка, это не обсуждается. Это приказ коменданта. Не хочешь вместе со мной болтаться в петле — исполняй приказ.

— А почему немцы решили именно в нашем селе устроить повешение? Что, других мест мало? Вешали бы в райцентре, если им так надо вешать! — Тишка недовольно посмотрел на старосту.

— Потому что этих несчастных троих схватили возле нашего села. А немцы теперь устрашают всех нас, местных, чтобы мы ни в коем случае не помогали партизанам, — староста прикрутил фитиль десятилинейной лампы. Света в конторе заметно поубавилось. — Вот они по сёлам и проводят показательные казни.

— И что? Они вешают на самом деле партизан? Или первых попавшихся?

— А кто их поймёт. По нашему завтрашнему случаю я точно знаю: троих, повторяю, схватили возле нашего села. За ними, видать, шли по следу, а они, наверно, возвращались с задания. Ребята уж больно молодые. И с ними радистка... Совсем молоденькая. — Староста поднялся, подошёл к окну и задёрнул занавеску. — Я просил коменданта: отправьте её в Германию, пусть там работает в хозяйстве у какого-нибудь бауэра. И толку от неё больше, и под надзором будет состоять. А дальше... будь что будет. Дальше — наша армия придёт, и жить она останется.

— И что тебе комендант ответил?

— Ни в какую не согласился. Говорит, что их постоянно начали тревожить партизаны, что население начинает сомневаться в постоянном пребывании немцев. Поэтому, по его словам, поступил строжайший приказ: казни проводить прилюдно, все жители обязаны являться на такие казни. И завтра, Тихон, ты с напарником после, как поставите эту проклятую виселицу, обойдите все наши дворы — и все-все наши жители должны прийти. Немцы вслед за вами, как привезут свои жертвы, могут тоже обойти дворы — для проверки.

— А если кто из наших не пойдёт на эту казнь?

— Немцы всех, кто не явится на казнь, сочтут сочувствующим партизанам и повесят вместе с партизанами. Разговор у них короткий: или выполняй — или погибай!

Староста Сидор и старший полицай Тихон на своих должностях оказались не по своей охоте. Сидор до прихода немцев работал председателем сельского совета, и среди оставшихся на селе баб и детей назначать было просто некого. К тому же, немцы не считали себя дураками, они любили свой “орднунг”, а этот “орднунг” на селе мог соблюсти бывший советский работник, которого все местные жители хорошо знали, и все с ним считались. К тому же староста от себя и выдумать ничего не мог: он безоговорочно и точно обязан был исполнять указания коменданта. Что же касается Тихона, которого на селе ещё до войны прозвали Тишкой, то он был хромоногим инвалидом. И староста, и полицай как люди, ежечасно боящиеся немецкого порицания, а то и незаслуженного расстрела, нуждались в стабильной власти. А теперь они находились между двумя жерновами: верхний жёрнов, немецкий, крутился в одну сторону, а нижний, советский, крутился в другую. Но немцы пока казались явной властью, а советскую пока лишь представляли партизаны, которые прятались где-то по лесам. И между этими двумя жерновами превращалось в пыль немалое количество совершенно невинных и пожилых, и даже очень молодых людей. Население оккупированных территорий находилось в подвешенном состоянии, а приходилось жить дальше, приходилось надеяться на что-то, а на что — никто пока твёрдо предугадать не мог...

* * *

Мария Ивановна вторые сутки не выходила посидеть на лавочке в тенистом палисаднике. Её соседка, что возвращалась с работы в это время, заметила отсутствие пожилой женщины. Видимо, Мария Ивановна здорово занемогла. Впрочем, такое замечалось соседкой всё чаще и чаще. Безжалостные годы не щадят даже властителей мира. Стоит ли тут говорить о простом человеке! К тому же, пожилая женщина жила одна. Муж её погиб на фронте, о чём без обиняков ещё в давнее военное лихолетье сообщило похоронное извещение. Теперь на дворе стояла мирная пора, и Мария Ивановна за

все послевоенные годы свеклась с гибелью мужа. И со многим другим в своём существовании она смирилась, и многие несправедливости воспринимала за должный порядок. Иногда, где-то в закоулках души, пытались подняться с колен напористые сомнения, но она их снова прижимала книзу. Один случай всё-таки оставил колкое воспоминание. Она всё время проработала медицинской сестрой и постигла порядки больницы от входного порога до больничной койки. Так случилось, что старшая медсестра ушла на пенсию. Учительная опыт Марии Ивановны, главный врач назначил её на должность старшей медсестры. Однако в областном управлении здравоохранения настойчиво порекомендовали ему воздержаться от принятого решения, поскольку назначенное лицо не являлось членом коммунистической партии, а на должность старшей медсестры обязательно должен назначаться работник, состоящий в партии. Такого подхода ни главврач, ни опытная медсестра объективно не могли понять: зачем старшей медсестре надо непременно состоять в партии. Впрочем, Мария Ивановна и не рвалась стать начальницей над своими подругами.

А жизнь продолжалась. Невдалеке глухо и безостановочно шумела железнодорожная станция. Тепловозы, похожие на муравьёв, сновали по многим путям. И лишь один из оставленных паровозов удостоился почётно́го места — его, незаменимого в недалёком прошлом трудягу, поставили в качестве реликвии на постамент. Подростки с удивлением посматривали на него. Для них ведь никогда не существовало каких-то странных паровозов, пыхтевших и чихавших на многочисленных станциях, и поднимавших над собой густой шлейф копоти. Для них в новинку являлись пока лишь электровозы, похожие необычной формой на обтекаемые ракеты. Время пришло другое: новые люди и новая техника входили в новую жизнь. Мария Ивановна начинала понимать: в жизни ничего не кончается — в жизни всё только начинается.

И сидя на лавочке, она теперь хорошо осознавала беспорядочную и энергичную суету людей, в которой забывались и войны, и смерть. И только резкие гудки тепловозов старались (так хотелось думать Марии Ивановне) напомнить миру жестокое и неразумное прошлое, которое почему-то во все века неизбежно возвращалось на круги своя. И запретные мысли иногда непрошено входили в её сознание. И они, эти мысли, властно утверждали, что если завтра захочут пушки и помчатся танки, что если завтра грянет война, то новые невинные жертвы, исчисляемые многими миллионами, обязательно потребуются снова. И тогда очередные райкомы опять в который раз примутся громить поверженного врага малой кровью на его собственной территории...

Но её сильнее всего неотвязно мучила одна-единственная сердечная боль: дочь её Валя считалась по документам без вести пропавшей. Мария Ивановна не могла смириться с потерей дочери, да ещё без вести пропавшей. Она не раз обращалась и в райком партии, и в военный комиссариат, но ответы приходили один в один, как под копирку: её дочь Валентина по линии комсомольского набора была направлена в разведывательную школу для прохождения специальных курсов военной подготовки. Место её последнего пребывания — партизанский отряд, документы которого, в том числе и список личного состава, уничтожен самим командованием перед карательной операцией немецкой жандармерии. Что же касается командования, кто бы смог прояснить судьбу дочери, то оно погибло вместе с отрядом...

Мария Ивановна понимала присланные ответы, но никак не хотела с ними согласиться. Все эти годы, начиная со дня окончания войны, она отчаянно надеялась: её доченька жива, её доченька непременно объявится молодой и невредимой. Сядут они вместе за стол, посмотрят школьную карточку девочки, выглядевшей почти подростком. Белое ситцевое в горошинку платице. Пышные косы, закинутые вперёд, на ещё не созревшую девичью грудь. И настезь раскрытые, будто неожиданно удивлённые, какие-то наивные, светящиеся от самого сердца, непорочные родниковые глаза...